

Тимоте де Фомбелль

ЧЕТЛАНДИЯ

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

КомпасГид
издательский дом

Тимоте Фомбель де
Нетландия. Куда уходит детство

ИД "КомпасГид"

2017

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Фомбель де Т.

Нетландия. Куда уходит детство / Т. Фомбель де — ИД
"КомпасГид", 2017

ISBN 978-5-00083-489-3

Есть люди, которые расстаются с детством навсегда: однажды вдруг становятся серьезными-важными, перестают верить в чудеса и сказки. А есть такие, как Тимоте де Фомбель: они умеют возвращаться из обыденности в Нарнию, Швамбранию и Нетландию собственного детства. Первых и вторых объединяет одно: ни те, ни другие не могут вспомнить, когда они свою личную волшебную страну покинули. Новая автобиографическая книга французского писателя насыщена образами, мелодиями и запахами — да-да, запахами: загородного домика, летнего сада, старины — их все почти физически ощущаешь при чтении. А именно ароматы лучше всего провоцируют воспоминания. Позврослевший Тимоте де Фомбель отправляется на встречу с самим собой в надежде понять, в какой же момент он попрощался с капитаном Крюком, и создает исключительно необычную мемуарную прозу. «Нетландия. Куда уходит детство» — роман, который сам по себе рассказывает не так и много. Зато провоцирует мысль, воображение и память: попадая в бесчисленные ловушки, расставленные автором, читатель от страницы к странице узнаёт что-то новое о самом себе. А если чуть-чуть повезет — находит обратную дорогу к Нетландии. Или хотя бы простенькую карту, по которой на эту дорогу можно вырулить. Тимоте де Фомбель (родился в 1973 году) — автор популярных детских и подростковых книг, общий тираж которых давно перевалил за миллион экземпляров. Дилогии «Тоби Лолнесс» и «Ванго», повесть «Девочка из башни 330» и роман «Книга Джошуа Перла» нашли немало поклонников и среди российских читателей, и издательство «КомпасГид» продолжает знакомить их с творчеством писателя.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00083-489-3

© Фомбель де Т., 2017

© ИД "КомпасГид", 2017

Содержание

I	7
II	9
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тимоте Де Фомбель
Нетландия. Куда уходит детство

Programme
A Poussière

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

© L'Iconoclaste, Paris, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

* * *

НЕТЛАНДИЯ

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

I

Детство живет на зеленых холмах, за рекой, за кустами, за лесом, за горящим амбаром и за коридорами, выстеленными паркетом. Среди прочих дорог есть там и такие, что подводят, петляя, к самому краю, и оттуда, с обрыва высокой скалы или через решетку ограды, открывается вид на соседнее царство, страну далекого завтра, имя которой – взрослая жизнь.

Бывает, дети подходят к этой черте, выглядывают из высокой травы (она им почти по макушку), и там, в соседней долине, им иногда доводится случайно подсмотреть за смертью или за влюбленными. Виденья эти вспыхивают на солнце, подобно осколкам стекла. Они слепят глаза и тут же исчезают, укрывшись за низкими облаками.

Дети бегут обратно в чащу леса, машут луками и стрелами и наивно полагают, что напрочь забыли о том, что увидели. Однако увиденное уже посеяло в них вишневую косточку, которая будет отныне расти там, внутри.

У меня таких косточек была целая горсть. Я даже думаю, что это из-за них мы вообще растем. Прекрасно помню, как глотаешь их с изумленно раскрытыми глазами и испытываешь опасную радость от того, что незнакомые тела, замеченные в долине, вот-вот разлетятся вдребезги. Мы оглядывались по сторонам. Никто нас не видел? Как будто мы что-то украли... Подождав немного, прислушивались к происходящему внутри: как там теперь моя вишневая косточка? Что она делает в мире, невидимом глазу?

Я часто подходил к этой черте, как и все другие дети, что тайком заглядывают на территорию взрослых: видел, например, как плачет на каменном мосту моя мама в объятиях бабушки. Они не знали, что я был там, прятался на берегу. Но я же сам мог отвернуться, потерять глаза, укрыться в дебрях воображаемого, уснуть, уверить себя, что вовсе ничего не видел, броситься с рогаткой гонять скворцов, построить какой-нибудь сложный механизм, ступить на тонкий лед реки, способный выдержать лишь вес ребенка.

Я знаю: на одно незыблемое детство, на висячий сад вроде моего приходится десятки таких, что кубарем летят с обрыва или с головой пропадают в зыбучем песке. Я вижу, как они проходят мимо – их посаженные и разоренные сады, их взгляд широко раскрытых глаз.

Я спрашиваю сам себя: кому же обязан я тем, что уцелел там, на краю обрыва детства, откуда так легко сорваться вниз? Ведь я же вырос лишь благодаря той самой ограде, и зарослям тернового куста, и строгому караулу, который неустанно несли каштаны – мы были в их тени недостижимы и неуловимы. В тот день, когда я начал писать, мне самому досталось место дозорного на крепостной стене, и я больше не был маленьким индейцем. Теперь настала моя очередь охранять свой мир и не допускать, чтоб в нем вырубали лес. Мне верилось, что я сумею не подпустить к своим границам рев танков и треск падающих деревьев.

С тех давних пор, когда я был еще индейцем, меня терзал вопрос, в какой момент и по каким сигналам дыма над костром мне станет ясно, что настало время переходить туда, спускаться вниз, в долину. Река обрушивалась с нашего обрыва шумным водопадом – должно быть, бурный там внизу кипел поток. Однажды и мне предстояло спуститься по этой яростной реке – но вот когда?

Сегодня я не могу назвать числа и дня недели, когда произошел тот мой великий переход. Пожалуй, просто наступает утро, когда ты просыпаешься и видишь, что в глазах других внезапно повзрослел. В смятении ты медлишь... Чувствуешь, что не готов, тебе не хочется в дорогу. Но никуда не деться от взгляда, которым тебя встречают и будто оценивают, а тут еще оттуда, снизу, доносится далекий вздох, с долины веет ветер, который ты впервые ощущаешь под рубашкой, и горстка косточек от вишен где-то глубоко внутри вдруг начинает беспокоить и причиняет терпимую, но все же боль.

То, что давно тебя ожидало, уже лежит внизу горой разрозненных деталей. Тогда ты решаешь притвориться. Все начинают с этого: лишь притворяются, что выросли. Пожалуй, это лучший путь – прикидываться взрослым до конца, всю жизнь.

II

Однажды зимним утром я отправился на поиски детства. Я никому ничего об этом не сказал. Мне вздумалось поймать его живым, направить на него луч света и как следует рассмотреть, изучить со всех сторон. Я чувствовал, что детство бьется у меня в груди, что окончательно оно так меня и не покинуло. Но это был полет призрачной бабочки где-то глубоко внутри: трепет невидимых крыльев, от которых оставалось лишь немного пыльцы на руках и шее – я обнаруживал ее там по утрам.

Мне мало было говорить о своем собственном детстве, я хотел отыскать детство абсолютное, общее, найти источник цвета фиалок, с которого все началось.

Я хорошо помню тот день, когда меня охватила потребность поймать детство, зажать его между сомкнутых ладоней, как птицу в клетке, чтобы показывать другим, осторожно разводя большие пальцы: «Смотри, вот оно. Видишь?»

Это произошло со мной в середине жизни. Впереди лежало, быть может, ровно столько же лет, сколько уже было прожито. Но в этой точке я вдруг остро ощутил отсутствие детства в течении мира. Мир походил на степь, сухую пустошь, изрезанную гусеницами танков. Куда ни глянь – нигде нет даже намек на детство. Земля трещит по швам. Ну как же тут взрослеть, когда под рукой нет ни одной испачканной красным соком косточки, способной оживить бубенчик, который так давно молчит?

Я снаряжился в путь, как снаряжается охотник на драконов или на химер. Ведь я не мог предугадать, что окажется полезным в поисках. Я все предусмотрел: взял плевательные трубки, зелья, ящички и сети, и быстрого коня, и усыпляющие дротики, и даже ложечки и щетки – как те, что ради осторожности используют археологи, когда откапывают из-под земли древние сокровища.

Я был золотоискателем, охотником-безумцем, которого зовет вперед мечта. Узкой горной тропой мы с конем карабкались вверх на отвесные скалы. На откосы падала тень моей поклажи, и сачки торчали за спиной, похожие на букет флажков.

Я понятия не имел, пригодится ли мне когда-нибудь весь этот хлам. Есть сети такого плетения, что на них можно ловить только крупную рыбу. Но есть ли ячейки, которые пропускали бы крупное и удерживали мелочь? Кто сумеет сплести такую странную сеть?

Как поймать одно только детство и сделать так, чтобы там, на дне сети, его не расплющили взрослые, которые вечно давят и удушают своим весом и значительностью?

Я верил: есть на свете страна, где детство живет в безопасности и остается прежним, даже когда мы вырастаем. Далекий, всеми забытый край. Я всюду собирал его следы. Я рисовал его карты в дневниках, но они выходили обрывочными и неточными, без масштаба и розы ветров.

На это потребовалось очень много времени. Путешествие было полно загадок и тревожило своей непредсказуемостью. Я спал при луне под открытым небом и каждый вечер, сидя у костра, дорабатывал план поисков, чтобы на следующий день не сбиться с маршрута. Я зари-

совывал свое географическое положение шариковой ручкой: тропинки, границы, водные пути. В отблесках пламени я смастерил себе новое орудие: вырезал ножом рамку, натянул на эту деревянную окружность сетку из бечевки и однажды утром опустился на колени в песок у реки. Не спеша, день за днем, я просеивал песок. Мне не было дела до того, что оставалось в сетке. Меня интересовало лишь то, что просыпалось сквозь сплетенье нитей: песок тончайший, будто струйка дыма.

Это и было оно, детство.

III

Я помню тот далекий летний день, когда, вероятнее всего, покинул детство. Хотя есть у меня и четыре-пять других воспоминаний, которые оспаривают право на причастность к великому переходу. В то утро дед позвал меня к себе, в комнату на втором этаже.

Дело было в самом конце августа, и в летнем воздухе на склоне теплых дней пахло ежевикой, грозой и новыми тетрадами. С тех пор мне трудно различать три эти запаха, потому что они пробуждают во мне одни и те же ощущения: дома вокруг пустеют, и убранные на зиму часы вдруг снова бьют в коробке.

Все началось с того, что на следующий день после пятнадцатого августа летние огни внезапно залило дождем. Соседские дети стали потихоньку испаряться, один за другим. То, что¹ в июле было нашими домами на деревьях и шалашами, теперь походило скорее на руины погибших цивилизаций.

Комната деда и бабушки была командно-диспетчерским пунктом нашей вселенной. Одно ее окно смотрело в сторону восхода, на реку, луг и лес. Второе выходило на закат, там продолжалась речка и росли кувшинки, а еще из этого окна было видно шоссе – единственное свидетельство существования внешнего мира. Из этой комнаты не только следили за сохранностью рая нашего детства – она сама была его живым и жарким сердцем. Это была самая обитаемая комната в лабиринте из камней и черепицы, выстроенном на одном из островов реки Севр. Остальные помещения зимой было невозможно прогреть, сколько бы детей ни посылали в лес за дровами для ненасытной топки этого огромного паровоза.

Дрова и книги – вот что нам приходилось переносить с места на место, из одной библиотеки в другую, по несколько часов каждое лето. Пожалуй, эти странные поручения были единственной платой за сохранность нашего королевства и нашей свободы.

Но не прогретый воздух, не толстый ковер, не уютная бабушкина кушетка, не набитые сокровищами ящики комода и даже не крошечный цветной телевизор, однажды появившийся здесь по нелепому капризу времени (он был столь же неуместен, как микроволновка в замке Спящей Красавицы), – не это было главной силой притяжения комнаты на втором этаже.

По-настоящему радостно билось сердце всякий раз, когда мы поднимались в эту комнату, оттого что там, внутри, были дед и бабушка и что они так по-особенному открывали нам дверь.

Когда я вошел, дед оглянулся и посмотрел на меня. Он стоял перед огромным окном, красивый, как герои фильмов Висконти, в бежевых брюках с высокой талией и рубашке с закатанными рукавами. Бабушка была еще в постели, рядом с ней – засыпанный крошками поднос, а вокруг барашками книг и газет пенились волны одеяла.

¹ Католический праздник, день Вознесения Девы Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.